

РОССИЯ ЭПОХИ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Я. Д. Исаевич

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО В КОНЦЕ XIII—НАЧАЛЕ XIV В.

В. Т. Пашуто довел свой рассказ о политической истории Галицко-Волынского княжества до событий 1289—1290 гг., которыми кончается изложение в Волынской (Галицко-Волынской) летописи. При этом он справедливо отметил, что отсутствие летописного повествования, посвященного истории последующих десятилетий, требует привлечения иного круга источников и ставит перед исследователями совершенно иные источниковедческие задачи¹.

Действительно, содержащиеся в немногочисленных сохранившихся грамотах и иностранных хрониках сведения об истории Галицкой и Волынской земель весьма фрагментарны. В большинстве случаев неизвестны даже даты изменений политической карты региона. Напомним, что на 1290 г. в большей части Волыни и Полесья (княжения Луцкое и Владимиро-Берестейское) правил Мстислав Данилович, в Галичине (княженья Галицкое и Перемышльское) князем был Лев Данилович, под верховной его властью оставался и удел его сына Юрия — Холмская и Белзская земли, а также земля, получившая вскоре наименование Подляшья (район Мельника — Дорогичина)². К началу XIV в. все перечисленные земли были объединены в руках Юрия Львовича, именовавшего себя «королем Руси, князем Володимирiei» (под Русью надо здесь понимать Галицкую землю, под Володимирией — княжество Владимирское, т. е. Волынь). Но когда и как произошло объединение, мы не знаем.

Первые исследователи истории Галицко-Волынского княжества полагали, что Юрий Львович стал галицким князем в 1301 г., поскольку к этому году отнесли смерть Льва Даниловича. Такая датировка основывалась на том, что последний документ от имени князя Льва — его уставная грамота Галицкой епископской кафедре, датированная 8 марта 1301 г.³ Но поскольку гра-

¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 302.

² ИСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 911.

³ Последнюю публикацию грамоты (на украинском языке, а также в польском и латинском переводах) см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 166—173.

мота оказалась подложной⁴, хронологически последнее упоминание о Льве Даниловиче — запись в хронике Генриха Геймбургского под 1299 годом о том, что «король Руси прибыл к королю Венцеславу в Брно»⁵. Историки не сомневаются, что под «королем Руси» можно понимать только Льва Даниловича, причем посещение им Чешского королевства могло иметь место не ранее начала марта и не позже середины мая 1299 г., когда король Чехии Вацлав II уехал из Брно⁶. Результатом встречи, учитывая исторический контекст, была договоренность о нейтралитете Льва, может быть, даже о поддержке им Вацлава II в связи с планируемым им походом на ленчицко-куявского князя Владислава Локетка — главного конкурента чешского короля в его борьбе за объединение под своей властью большинства польских земель. Но когда летом 1300 г. Вацлав II двинулся на Владислава Локетка, чтобы вытеснить его из Польши, то «русины» (Rutheni) напали на Сандомирскую землю, воспользовавшись отсутствием рыцарей этой земли (отправившихся вместе с остальными войсками Вацлава в поход против Локетка)⁷. Таким образом, русины действовали не в пользу Вацлава, а в пользу его противника. Историки считают это доказательством того, что в Галицком княжестве к тому времени правил не союзник Вацлава Лев, а Юрий Львович, женатый вторым браком на сестре Владислава Локетка Евфемии⁸. Учитывая масштаб похода («русины» прошли всю Сандомирскую землю и разрушили Нове Место Корчин — недалеко от границ Краковской земли), можно предположить, что союзник Локетка — а им мог быть только Юрий Львович — владел к тому времени объединенным Галицко-Волынским княжеством либо, по крайней мере, его галицкой частью. Владея одним лишь холмско-дорогичинским уделом в качестве «подручного» своего отца, Юрий Львович вряд ли решился бы на столь серьезную военную акцию.

Таким образом, после смерти Льва, т. е. в конце 1299 г. или начале 1300 г., Юрий Львович объединил в своих руках унаследованное Галицко-Перемышльское княжество с прежними своими владениями — Холмско-Червенской, Белзской и Дорогичинской землями. К сожалению, нет никаких данных, чтобы определить, когда Юрий овладел также Волынью (Владимирским и Луцким княжествами): до или после получения галицко-перемышльского наследства. Скорее всего, волынские земли перешли к Юрию Львовичу мирным путем, согласно завещанию Мстислава Данило-

⁴ Об истории изучения данной грамоты, а также других грамот Льва Даниловича см.: *Купчинський О. А. Дослідження і публікації грамот Галицько-Волинського князівства у XVII—першій половині XIX ст. // Київська Русь: культура, традиції. Київ, 1982. С. 129—149.*

⁵ *Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1882. Т. III. Р. 324.*

⁶ *Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 302; Włodarski B. Polska i Ruś 1194—1340. W-wa, 1966. S. 225.*

⁷ *MPH. Leopoli, 1872. Т. II. Р. 853.*

⁸ *Włodarski B. Polska i Ruś. S. 225, 229.*

вича или его сына ⁹, подобно тому как сам Мстислав вокняжился на Владимире по завещанию Владимира Васильковича.

Не только начальная, но и конечная даты правления Юрия вызывают сомнения. Сообщив о смерти княгини Евфемии 18 марта 1308 г., Ян Длугош утверждает, что, «следуя за ней, ее муж князь Руси Юрий умер 24 апреля. Он родился и был крещен в день святого Юрия и в тот же день скончался» ¹⁰. В связи с этим ряд историков считает, что Юрий Львович умер в 1308 г., в Юрьев день (23 апреля). Б. Влодарский думает, что необходимость поддержать сыновей Юрия (и своих племянников) после его смерти в 1308 г. лишила Владислава Локетку возможности противодействовать захвату Гданьского Поморья Тевтонским орденом ¹¹. Другие исследователи полагают, что рассказ о смерти Юрия Львовича отнесен Длугошем к 1308 г. без должных оснований. Сыновья Юрия впервые названы самостоятельными правителями в документе, датированном июлем 1315 г.; в 1316 г. они направили Ордену грамоту, подтверждавшую договоры отца и сына. Пескольку такие подтверждения грамот предшественников выдавались обычно в начале правления ¹², естественно предположить, что Андрей и Лев Юрьевичи сменили Юрия Львовича примерно в первой половине 1315 г. ¹³

Вполне надежное свидетельство того, что Юрий Львович объединил в одно княжество Галичину и Волынь,—его печать с надписями «[Sigillum] Domini Georgii regis Russiae» (аверс) и «[Sigillum] Domini Georgii principis Ladimiriae» (реверс) ¹⁴. Титул короля Руси не обязательно свидетельствует о коронации Юрия: ряд западноевропейских источников фиксирует признание статуса королевства именно за Галицко-Владимирским княжеством, а не за его отдельными владетелями ¹⁵. Напомним, что западные хронисты именуют королем Льва Даниловича, никогда не короновавшегося. Название «королевство Русь» при Данииле Романовиче и Льве Даниловиче относили к Галицко-Холмскому княжеству, хотя в более широком смысле под ним иногда понимали и все Галицко-Волынские земли.

Судя по наименованию «princeps Ladimiriae», а также по тому, что наследники Юрия чаще всего пребывали во Владимире, именно

⁹ Сын Мстислава Даниловича Даниил упомянут в летописи под 1280 г. Неизвестно, правил ли он после смерти отца или, может быть, умер раньше.

¹⁰ *Długosz J. Opera omnia cura A. Przeździecki edita. T. XII // Historiae Polonicae. Cracoviae, 1876. T. III. P. 39.*

¹¹ *Włodarski B. Polska i Ruś. S. 238—239.*

¹² *Režábek J. Jiří II poslední kníže veškeré Malé Rusi // Časopis Musea Království Českého. Praha, 1883. R. 57. S. 124.*

¹³ *Крин'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 109.*

¹⁴ Вслед за Б. Влодарским считаем наиболее вероятным чтение, зафиксированное директором Кенигсбергского архива Э. Хеннингом в начале XIX в., когда печать была еще целой (*Данпо-Данилевский А. С. Печати последних галицко-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 241; Włodarski B. Op. cit. S. 227.*)

¹⁵ *Sieradzki J. Regnum Russiae // Kwartalnik Historyczny. 1958. N 2. S. 505.*

данный город стал при нем главным в объединенном княжестве. Это можно объяснить как возросшей ролью Владимира в международной торговле, так и стремлением князя опереться на связанные с этим городом исторические традиции. Утверждение С. Томашевского и некоторых других авторов, что королевский титул доказывает признание Юрием Львовичем церковной унии¹⁶, лишено каких-либо оснований. Наоборот, именно к Юрию можно отнести рассказ Длугоша о «короле русинов», которого папа Климент V безуспешно увещивал «приступить к повиновению Римской церкви и к союзу с ней»: король, «отослав апостолических послов ни с чем, остался непоколебимым в застарелой схизме и заблуждение греков считал предпочтительнее католической чистоты»¹⁷.

Неизвестно, пользовался ли Юрий Львович титулом короля также внутри страны, или только в международных сношениях. Во всяком случае, он имел основания подчеркнуть в титулатуре свое превосходство над предшественниками. Ведь только при нем Галицко-Волинское княжество объединилось под властью одного князя. Митрополит Киприан в конце XIV в. писал, что в годы правления Юрия «бъше в своей чести и времени земля Волинская, аще ныне по многих ратях и не такова»¹⁸. А в «Истории» Длугоша читаем, что Юрий был «муж мудрый и добрый, к духовным щедрый, под правлением которого Русь славилась благами мира и изобилием»¹⁹.

Международная обстановка в конце XIII—начале XIV в. была благоприятнее, чем в предыдущий период. При изложении событий 1275 г. на Волыни и Полесье летописец заметил: «Тогда бо бяху вси князи в воли татарской»²⁰. Очевидно, писалось это, когда «неволя» стала менее чувствительной. При Юрии Львовиче ослабела зависимость княжества от Золотой Орды в связи с ее внутренними неурядицами. Это давало галицко-волинскому князю несколько большую свободу маневрирования, возможность пользоваться в отдельных случаях поддержкой золотоордынских отрядов, не опасаясь усиления зависимости от них.

Известно, что после смерти Юрия Львовича его сыновья подтвердили договорные отношения с Орденом, существовавшие при их отце и деде. Из этого можно сделать вывод о заключении аналогичного договора и Юрием Львовичем. Контакты Галицко-Волинского княжества с Орденом в этот период не были направлены против Польши и имели целью главным образом обеспечение условий для торговых связей²¹.

Как уже отмечалось, Юрий Львович с самого начала своего

¹⁶ *Томашівський С.* Українська історія. Львів, 1919. I. Старинні і середні віки. С. 107—108.

¹⁷ *Długosz J.* Op. cit. T. XII. P. 43. Перевод по кн.: *Щанов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 61.

¹⁸ *Барсуків Н. П.* Источники русской агнографии. СПб., 1882. С. 431.

¹⁹ *Długosz J.* Op. cit. T. XII. P. 39.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872.

²¹ *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 245, 247.

правления поддерживал ленчицко-куявского князя Владислава Локетка в борьбе с его более счастливым соперником Вацлавом Чешским, ставшим вскоре и польским королем. Такая позиция Юрия Львовича объясняется не только родственными связями Владислава с Юрием, но и нежеланием последнего иметь столь мощного соседа, как объединенное Польско-Чешское королевство. Влодарский убедительно доказал, что вытесненный Вацлавом из Польши Владислав Локеток нашел приют именно у Юрия²². В одном из источников прямо указано о бегстве Локетка в «чужие схизматические страны»²³. В 1302 г. он с помощью войск Юрия атаковал Сандомирскую землю. Очевидно, в отместку за это лояльные королю Вацлаву II краковские и сандомирские рыцари «напали на Русь, а именно добыли Новый Люблин, который русины занимали ряд лет»²⁴.

Потеря Люблина была для Юрия Львовича тяжелым ударом. Однако галицко-волынский князь и далее остался союзником Владислава Локетка, которому вскоре удалось достичь крупных успехов: в 1304—1305 гг. он возвратил себе Сандомирскую землю, а в 1306 г. утвердился в Кракове.

Юрий Львович не стоял в стороне и от событий, развертывавшихся в Венгрии. Здесь в 1307 г. началась война между претендентами на престол — Карлом Анжуйским и двоюродным братом Юрия Оттоном Баварским (матери Юрия Львовича и Оттона Баварского были сестрами, дочерьми короля Венгрии Белы IV). Вытесненный из Венгрии Оттон некоторое время гостил у Юрия Львовича. В рифмованной хронике Оттокара Штирийского специально отмечен хороший прием, оказанный «королем Руси» Юрием Оттону²⁵.

Участие Юрия Львовича в международной жизни позволяет предположить наличие у него квалифицированных канцеляристов, готовивших грамоты и письма. Грамоты самого Юрия не сохранились, однако дошли до нас совместная грамота его сыновей Андрея и Льва, две грамоты Андрея Юрьевича²⁶ и две грамоты, приписываемые Льву Юрьевичу²⁷. Без сомнения, образцом для них были грамоты предшественников, в том числе Юрия Львовича. Можно предположить, что уже при Юрии были в употреблении элементы дипломатического формуляра, оказавшие впоследствии

²² Włodarski B. Stanowisko Rusi Halicko-Wołyńskiej wobec akcji zjednoczeniowej Władysława Łokietka i jego powiązanie z utratą Pomorza Gdańskiego // *Zapiski Historyczne*. Toruń, 1962. T. 27, z. 3. S. 342—343.

²³ *Monumenta Poloniae Vaticana*. Cracoviae, 1914. T. III. N 121. P. 78.

²⁴ МРН. Т. II. P. 853.

²⁵ MGH. *Scriptores qui vernacula lingua usi sunt*. Hannoverae, 1893. T. V, pars II. P. 1152, 1154.

²⁶ Куник А. А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающееся истории Червоной Руси в XIV в. с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II князь всей Малой Руси. С. 113—116. № 1, 3.

²⁷ Дашкевич Я. Р. Грамоты князя Льва Даниловича как исследовательская проблема // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепрпетровск, 1985. С. 136.

влияние на практику канцелярий Великого княжества Литовского. А. Золтан выдвинул недавно интересную гипотезу, согласно которой соответствие терминов «dominus» и «господар» в значении «владелец», «глава государства» установилось в первой половине XIV в. в канцелярии галицко-волынских князей. Утвердившись сначала в Великом княжестве Литовском, а с XV в. и в России, термин «господарь» стал источником возникновения русских слов «государь» и «государство»²⁸.

Свидетельством усиления Галицко-Волынского княжества в начале XIV в. явилось учреждение особой Галицкой (Волынской-Галицкой) митрополии. То, что не только византийский император, но и константинопольский патриарх впервые согласились на существование на Руси второго митрополита, показывает, насколько большим авторитетом пользовался Юрий Львович. Как известно, первым галицким митрополитом стал Нифонт, после чего Юрий Львович выдвинул в качестве кандидата на галицкую кафедру Петра — основателя монастыря на р. Рате, близ Белзы. Став вскоре митрополитом всей Руси, Петр поселился в Москве. Деятельность («волынянина», бывшего первым митрополитом в Москве, способствовала культурным связям Галицко-Волынского княжества с Северо-Восточной Русью.

Нельзя не согласиться с выводом Я. Н. Шапова, что учреждение в начале XIV в. Галицкой митрополии было крупным политическим успехом Галицко-Волынского княжества. «Самостоятельная православная митрополия, — указывает исследователь, — несомненно, была сильным политическим оружием в руках князя в его борьбе за усиление княжества и его политическую независимость»²⁹. Именно с начальным этапом существования Галицкой митрополии можно связывать возникновение Волынской редакции Устава Владимира. Обработка текста устава подчинена интересам борьбы как против экспансии католицизма, так и против засилия Константинопольской патриархии. В этом плане понятно возвышение киевского митрополита как «второго патриарха». В общих чертах борьба за Галицкую митрополию созвучна таким важным событиям в церковно-политической жизни славянских стран, как возникновение своих патриархий в Болгарии (1235 г.) и Сербии (1346 г.)³⁰.

Как справедливо указал О. Бальцер³¹, данная Длугошем характеристика Юрия Львовича — летописного происхождения. Однако в дошедшем до нас летописном своде, кончающимся изложением событий 1289—1290 гг., нет следов редактирования текста в пользу Льва Даниловича и Юрия Львовича³². В то же время именно Юрий Львович, стремясь к созданию владимирско-га-

²⁸ Золтан А. К предистории русского «государь» // *Acta Slavica*. Budapest, 1983. Т. 29. С. 78—79.

²⁹ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 61.

³⁰ Там же. С. 62.

³¹ Balcer O. *Genealogia Piastów*. Kraków, 1895. S. 347.

³² Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 4—5, 132—133.

лицкой митрополии, был заинтересован в обосновании исторических традиций Владимира как политического и культурного центра волыньско-галицких земель³³. Думается, что создание летописного свода в таком духе могло быть начато сразу после обоснования Юрия Львовича во Владимире. По тем или иным причинам работа остановилась в самом начале: состав летописи отражает интересы Юрия Львовича, однако в тексте ее еще не успели устранить или переделать места, невыгодные этому князю.

Немногочисленные дошедшие до наших дней памятники литературы и искусства Галицко-Волынского княжества хронологически определяются лишь в самых общих чертах³⁴. Дальнейшее изучение позволит расширить круг известных памятников, что, в свою очередь, обогатит наши представления о культурных центрах Галичины и Волыни конца XIII—начала XIV в. Более глубокое исследование Галицко-Волынского княжества этого периода в том плане, в каком был изучен В. Т. Пашуто предыдущий период истории княжества, — одна из актуальных задач отечественной медиевистики.

А. Л. Хорошкевич

«КРЕПОСТНАЯ», ИЛИ «КРЕПКАЯ» ГРАМОТА

В творчестве В. Т. Пашуто вопросы внешней политики Древней (или Киевской) Руси занимали важное место¹. Предпосылкой исследования этой проблемы применительно к Русскому государству должен быть источниковедческий анализ разнородного материала, в том числе актового.

В сфере русско-крымских отношений, принципиально отличавшихся от русско-ордынских, возникли особые типы документов, подобных которым не было ни в одной другой области международных отношений Руси. К одному из них принадлежат так

³³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 55—57.

³⁴ Исаевич Я. Д. Культура Галицко-Волынской Руси // Вопр. истории. 1973. № 1. С. 106.

¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Он же*. Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 68, 84, 85. Вопрос о дипломатике русско-крымских соглашений не привлек внимания. В новейшей зарубежной историографии исследуется лишь применение оборота «челом быю» в посланиях Ивана III крымскому хану (Croskey R. M. The diplomatic forms of Ivan III's relationship with the Crimean Khan // Slavic review. Champaign (Illinois), 1984. Vol. 43, N 2. P. 257—269).